

Базоева Нина Игоревна

бакалавр, магистрант

Научный руководитель

Кравчук Оксана Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, преподаватель

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный

университет им. К.Л. Хетагурова»

г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания

DOI 10.31483/r-97820

УПОМИНАНИЕ ПЕРСИДСКИХ СТИХОТВОРЦЕВ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX–XX ВЕКОВ

Аннотация: в статье рассматривается влияние персидской литературы на русскую поэзию XIX–XX веков.

Ключевые слова: восточные мотивы, ориентализм, суфизм, петербургские гафизиты, мистическая поэзия, газель, экзотизм.

Взаимоотношения России и Персии своими корнями уходят в древность, однако в сравнении с культурным взаимодействием и взаимообогащением западных государств эти взаимоотношения демонстрируют незначительное влияние на древнерусскую литературу в сравнении с литературным взаимообогащением Персии и западных государств. Активное проникновение персидских мотивов в русскую литературу датируется XVIII веком. В это время русская знать открыла для себя Персию с её мистическими течениями и чуждой западным взглядам философией. Во многом этому знакомству способствовали труды западных ученых и мыслителей.

Россия открывается Востоку, персидским сказкам и повестям. С 1763 года стали печататься на русском языке сказки «1001 ночи» [6, с. 302]. Публику захватывает неподражаемое восточное повествование, фантастика, новизна сюжетов и образов, присущих персидской литературе.

Наиболее ярко персидские мотивы отображены в романтической ориентальной лирике русских поэтов, которые одними из первых обратились к легендам и сказаниям Востока. В.А. Жуковский стал основоположником русской ориенталистской лирики, положив в основу своих восточных стихотворений образы прекрасных персидских дев, мудрых и аскетичных дервишей и грозных правителей. Также В.А. Жуковский переводил на русский язык памятники мировой литературы, в том числе и персидской.

В стихотворениях Жуковский неоднократно использует распространенные в персидской литературе сравнения и мотивы. Так, для персидской поэзии весьма характерен мотив аскетизма. В басне «Сон монгольца» (1821) Жуковский использует данный мотив, и мы явно можем наблюдать отсылку к персидской поэзии. Сравним басню Жуковского с поэмой персидского поэта Саади «Гулистан» (1258):

Нить жизни для меня сохнет не из злата;

Мой низок будет кров, постеля не богата [5, с. 61].

Поэма «Гулистан»:

Богатства не ищи, мой друг, богатство счастья не дает,

Богатство в мире есть одно – довольствоваться частью малой [9, с. 128].

Дух и эстетика Востока присутствуют на всём протяжении творчества А.С. Пушкина, начиная с поэмы «Руслан и Людмила» (1820) и до «Сказки о золотом петушке» (1835), написанных на историческом и фольклорном материале народов России и Востока. Непосредственное упоминание восточного источника, а именно высказывание персидского поэта Саади из поэмы «Бустан» (1257), мы наблюдаем в эпиграфе поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1824): «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече» [8, с. 131]. Эти же строки Пушкин упоминает в романе в стихах «Евгений Онегин» (1833):

Иных уж нет, а те далече,

Как Сади некогда сказал! [7, с. 163].

В XIX веке восточные переводы получили широкое распространение. По мнению многих литературоведов, А. Фет является лучшим автором переводов газелей Гафиза (Хафиза).

Русская литература XIX века открывала для себя Восток и Персию с ее богатой культурой и философией, которая оставила значимый отпечаток на творчестве великих русских поэтов, однако большее развитие персидские мотивы получили в Серебряном веке.

Россия начала XX века переживает революцию, следовательно, литература также претерпевает радикальные изменения. Поэты и писатели ищут новые формы и новые ориентиры для самовыражения. Одним из таких ориентиров становится Персия, с её богатейшей историей и литературным наследием. Одним из самых распространенных и употребляемых жанров персидской поэзии является газель (в переводе с араб. «воспевать женщину»). Форму восточного стихосложения – газели – одним из первых русских модернистов использовал М. Кузмин, написав целый цикл подражания персидским газелям «Венок Весен» (1908). Также Кузмин стал организатором общества под названием «Друзья Гафиза». Литературовед Н. Богомоллов в статье «Петербургские гафизиты» отмечает: «Вячеслав Иванов стал организатором кружка гафизитов, для которых личность легендарного персидского поэта Гафиза символизировала мистическую поэзию» [1, с. 167].

В поэтическом мировоззрении поэтов XX века Персия осмыслена специфически, одни воспевали эстетические аспекты Азии, другие отражали в своем творчестве глубокую философию ислама и зороастризма, а также мистическое течение суфизма, последователями которого являлись практически все известные персидские поэты-мистики. Эстетически в своем творчестве изображали Персию С. Есенин, А. Ахматова. Философски осмысливали Персию Н. Гумилев, М. Кузмин, Н. Клюев, И. Северянин, В. Хлебников.

Персидский цикл С. Есенина изобилует классическими восточными сравнениями, отчетливо прослеживается влияние персидских поэтов на лирику поэта.

В стихотворении «Свет вечерний шафранного края» (1924) Есенин упоминает имя Омара Хайяма, противопоставляя себя персидскому поэту:

Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям [3, с. 69].

В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре» прослеживается схожесть с описанием Саади лирической героини поэмы «Гулистан», которую персидский поэт описывает голубоглазой девушкой, похожую цветопись мы можем наблюдать в данном стихотворении. Читаем у Есенина:

Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем [4, с. 73].

Н.С. Гумилев не только глубоко изучал философию ислама, но также проникся учением суфизма, которое впоследствии стало одним из определяющих мотивов ориенталистской лирики поэта. Увлечение Гумилева суфизмом во многом было связано с именем персидского поэта Гафиза, чье имя Гумилев упоминает в пьесе «Дитя Аллаха» (1916). Выраженное влияние восточных стихотворцев и суфизма Гумилев демонстрирует также в стихотворении «Пьяный дервиш» (1920), написанном под впечатлением от перевода В.А. Жуковским «Песни» Насира Хосрова. Стихотворение составлено в форме газели, изобилует классическими персидскими сравнениями и суфийскими образами. Читаем:

Ради розовой усмешки и напева одного:
Мир лишь луч от лика друга, всё иное тень его! [2, с. 296].

В этом двустишье поэт использует самое классическое персидское сравнение – розу, а ликом друга в суфийской традиции принято называть образ Всевышнего.

Основной идеей лирики В. Хлебникова служит идея о равенстве гражданина Востока и Запада, поэт осмысляет Персию в свете нового революционного времени. Писатель считает возможным объединение Европы и Азии на основе общих исторических корней у всего человечества, а также новой идеологии. Одним из таких произведений Хлебникова является поэма «Медлум и Лейли» (1910),

явно отсылающей к поэме персидского стихотворца Низами «Лейли и Меджнун» (1535). Однако сюжет поэмы Хлебникова не является прямым подражанием какому-либо одному источнику, он воплощает идею фольклорной собирательности и универсальности литературы.

Уже в названии поэмы Хлебников меняет имя влюбленного юноши с «Меджнун» на «Медлум», подобного звучания ранее нигде не встречалось. Кроме того, действие ранее созданных поэм разворачивалось в аравийской пустыне, Хлебников же выбирает Иран. В поэме Низами любовная инициатива отдана юноше, тогда как в поэме Хлебникова монолог трагической любви отдан Лейли. Смерть влюбленных в интерпретации Хлебникова служит лишь началом их вечной любви. Поэт превращает Медлума в восточную звезду, а Лейли в западную. Сводя двух влюбленных посредством звезд на небосводе, Хлебников высказывает идею консолидации культур, наций, религий, объединенных великой силой любви.

Из данного наблюдения следует сделать вывод о том, что прямого подражания и одного источника заимствования у поэмы Хлебникова нет. Безусловно, поэт опирается на поэму Низами, но указанные выше различия говорят о своеобразном видении сюжета с характерными для поэтического мировоззрения Хлебникова составляющими.

Подводя итоги, следует отметить, что начиная с XIX века мы наблюдаем присутствие имен персидских поэтов и, как следствие, персидских мотивов в русской литературе. В это время Россия только открывает для себя Восток и Персию, результат этого знакомства отражается в лирике самых значимых русских поэтов XIX века. Активно имена персидских классиков звучат в творчестве поэтов Серебряного века, для которых Персия является неизведанным ориентиром и тайником философских сокровищ и экзотических верований.

Список литературы

1. Богомолов Н. Петербургские гафизиты / Н. Богомолов // Серебряный век в России. – М., 1993. – С. 167.

2. Гумилёв Н.С. Огненный столп / Н.С. Гумилёв [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/collections/8/>

3. Есенин С.А. Свет вечерний шафранного края. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения / С.А. Есенин. – М.: Наука – Голос, 1995. – С. 69.

4. Есенин С.А. Никогда я не был на Босфоре. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения / С.А. Есенин. – М.: Наука – Голос, 1995. – С. 73.

5. Жуковский В.А. Сон монгольца. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения / В.А. Жуковский. – М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. 61.

6. Кубачева В.Н. Восточная повесть в русской литературе XVIII начала XIX века / В.Н. Кубачева // XVIII век. Сб. 5. – М., Л., 1962. – С. 302.

7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения / А.С. Пушкин. – Л.: Наука, 1978. – С. 163.

8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Поэмы. Сказки / А.С. Пушкин. – Л.: Наука, 1978. – С. 131.

9. Саади. Гулистан / пер. Р.М. Алиев, А.В. Старостин. – М.: Художественная литература, 1957. – С. 128.